

Чужой среди своих: ранний Веймар глазами «старого» среднего класса (1918–1919 гг.)

Аннотация. В статье исследуется восприятие Веймарской республики немецкими средними слоями. Внимание автора сосредоточено на так называемом старом среднем классе: представителях среднего и мелкого предпринимательства, а также свободных профессий. В центре изучения находятся события и факторы, оказавшие решающее влияние в этой среде на оценку первой немецкой демократии – от особенностей политической культуры немецких бюргеров до голодной послевоенной повседневности в побежденной Германии. Изучение данной проблематики позволяет установить многочисленные компоненты, из которых складывалось негативное отношение (а в подавляющем большинстве случаев оно было именно таким) у средних слоев к Ноябрьской революции и Веймарской республике вообще. Как правило, формировалось специфическое восприятие новой республиканской действительности как чужеродной среды обитания, в которой немецкие бюргеры чувствовали себя некомфортно и небезопасно, особенно в условиях революционных столкновений и идей социализации. У буржуа возникало ощущение непричастности к новому миру. Кроме того, анализ данной проблемы позволяет обнаружить истоки будущих успехов «наци» среди данной группы населения, сыгравшей, как установлено в исторической науке, решающую роль в успехах национал-социалистов на выборах в рейхстаг рубежа 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: Ноябрьская революция, Советская Бавария, Национальное собрание, Версальский мир, социал-демократия, «спартаковцы», буржуазия, «старый» средний класс, социализация, «берлинская говорильня».

Review. This article examines the perception of the Weimar republic by the German middle class. The author's attention is focused on the so-called old middle class: representatives of medium and small enterprises, as well as of liberal professions. At the heart of this study lie the events and factors that had a decisive influence on the opinions of that milieu regarding the first German democracy – from the particularities of the German burghers' political culture to the hungry post-war daily life of defeated Germany. The study of this question permits to determine the many components which motivated the negative attitude (as in the overwhelming majority of cases it was negative) among the middle class towards the November revolution and the Weimar republic in general. As a rule, there developed a specific perception of the new republican reality as a foreign living environment in which the German burghers felt uncomfortable and unsafe, especially under the conditions of revolutionary confrontations and ideas of socialisation. The bourgeois felt themselves pare from the new world. Besides that, the analysis of the given topic allows to discover the origins of the future successes of the “nazi” among this population group, which played, as has been established in historical studies, a decisive role in the successes of the National-Socialists during the Reichstag election at the turn of the 1920–1930s.

Key words: bourgeoisie, «Spartans», social democracy, Treaty of Versailles, National committee, Soviet Bavaria, November revolution, «old» middle class, socialisation, «Berlin talk».

Веймарская республика – поворотный период в истории Германии, в рамках которого столкнулись два разных «мира»: уходящей империи и неожиданно возникшей первой немецкой демократии.

Ноябрьская революция 1918 г. накрыла Германию совершенно внезапно. Буквально за один день – 9 ноября – рухнули многовековые институты, а с политической арены исчезли привычные персоны. Неожиданно для себя самой Германия стала республикой. Во главе государства оказался президент, а значительную долю рейхстага и правительства составили социали-

сты. Именно им пришлось испытать всю горечь поражения в Первой мировой войне, затеянной кайзеровским правительством. Кем была развязана эта война, немцы особенно не разбирались, но ее унижительные результаты сразу приписали «красному» «правительству соглашателей». В итоге рождение веймарской демократии оказалось осложнено целым рядом обстоятельств – от революционных потрясений и тяжелого мира до послевоенной нищеты.

В Германии молодая республика была воспринята двояко: часть немцев приняла новое государство благожелательно, другая, напро-

тив, отрицательно. Не обнаружила единства и такая многочисленная группа населения, как средний класс.

В исторической науке средние слои принято делить на «старые» и «новые». К первым относят мелких и средних собственников (предпринимателей), а также представителей свободных профессий – преподавателей, врачей, юристов и т. д. Ко вторым причисляют инновационную группу населения, появившуюся в последней трети XIX в., – служащих. Реакция на республику у средних слоев оказалась неоднозначной: «старые» в большинстве своем отреагировали на нее негативно, «новые», наоборот, позитивно.

Поведение и реакция среднего класса на республику обратили на себя внимание еще в недрах самого Веймара. В 1931 г. в социологическом исследовании Теодора Гайгера «Социальная стратификация немецкого населения» указывалось на отрицание республиканских ценностей в этой среде со ссылкой на ее «додемократическую», сословную традицию. В послевоенное время изучение этой проблематики продолжилось. Ведущую позицию занял американский социолог Мартин Липсет, выдвинувший тезис «фашизм – как экстремизм середины» [16, 364]. Ученый доказывал, что основную поддержку «наци» оказали именно средние слои. Объяснялось это их традиционалистскими взглядами и страхом опуститься ниже привычного социального уровня. Позднее данный взгляд был дополнен тезисом Генриха Августа Винклера об «общественно-политической изоляции» буржуазии в новом государстве [17, 236].

Представленные выводы в отношении «старого» среднего класса остаются в силе и в наши дни и подтверждаются новыми исследованиями. Среди них, например, работа Ремберта Унтерштелля, доказывающая, что в годы Веймара сословные претензии «старых» средних слоев столкнулись с давлением индустриализации, с одной стороны, и рабочих – с другой [29, 94]. В итоге буржуазия, терявшая свое положение и искавшая защиты, угодила в руки национал-социалистов. В отечественной германистике данная проблематика только начинает разрабатываться.

Выяснение причин недоброжелательного отношения к республике у «старого» среднего класса составляет цель данной статьи. Исследование охватывает период 1918–1919 гг., время Ноябрьской революции и становления республиканского режима.

Негативное восприятие у «старого» среднего класса революция и республика получили в первую очередь из-за их несовместимости с его политическими воззрениями. Политическая культура немецкой буржуазии покоилась на принципах милитаризма и вере в роль вождя, особенно углубившихся во Второй империи благодаря Бисмарку. Задача гражданина состояла в том, чтобы строго, по-солдатски исполнять свои обязанности и следовать за лидером, предназначенным для этой роли с рождения. При таком подходе политика получала почти сакральный характер, вмешиваться в которую могли только избранные люди. Ноябрьская революция, как массовое движение низов, все перевернула.

Прежде всего в старую картину не вписывался сам характер новой политической жизни: многочисленные выступления, шествия, демонстрации и выборы. Толпы рабочего люда, хлынувшие на улицу, шокировали жителей респектабельных кварталов. Один из них поделился с бывшим тогда в немецкой столице наркомом просвещения Анатолием Луначарским такими впечатлениями: «Откуда-то в самом центре Берлина появились никогда не виданные люди. Может быть, большинство из них были просто рабочие предместья. Но у себя там, в нормальное время, они выглядели совсем иначе. От натиска этих людей исказилось лицо города» [1, 8]. Бесчисленные и «беспорядочные» собрания воспринимались как бесполовая давка, лишенная всякой логики. Это очевидно из дневниковых записей профессора одного из мюнхенских университетов, блестящего рассказчика Йозефа Хофмиллера. Противоречия со старым миром он обнаружил, разглядывая одну из фотографий, изображающую встречу нового баварского министр-президента, социалиста Курта Эйснера с народом. Рассказчик увидел во всем этом мрачную и полную бессмыслицу: «...не было ни приветливого возгласа, ни радости, все стояли, не снимая головных уборов <...> грустная бессмысленная толкотня. Нет даже никакой регуляции. Машина просто застряла в толпе» [18, 132]. Картина для современника разительная, если учесть, что прежние власти при хождении «в народ» всегда пытались отладить уличное движение, а их встреча с населением неизменно сопровождалась приветствиями и летящими в воздух шапками.

В целом идея о включении в политику и управление широких слоев населения не вызвала здесь одобрения. Инициативность и само-

стоятельность в этой сфере считались губительными. Неудивительно, что призыв Эйснера к рядовому чиновничеству быть смелее и активнее высказывать свое мнение получил целую отповедь одного из видных баварских чиновников: «Но если вы заявляете, что каждый должен научиться быть руководителем и сопровителем, то ни к чему другому, как к неразберихе, это не приведет» [18, 130]. Многие представители среднего класса считали политику особенной сферой и не чувствовали себя способными в нее вмешиваться. Хофмиллер был убежден, что «мы – не политики, не политическая нация» [18, 83] и что «большинство народа не хочет ни власти, ни богатства. Но только покоя и возможности жить для себя» [18, 85–86].

Прежним представлениям о политике противоречили также современные избирательные технологии и кампании, включавшие многочисленные шумные собрания, красочные плакаты, яркие флаги, барабаны и целые оркестры. Наряду с критикой это вело к насмешливому восприятию современной демократии как маскарада. Тот же Хофмиллер писал: «Сегодня были выборы в рейхстаг, или, как это сейчас называют, в Национальное собрание. Социал-демократы снова поднялись с музыкой и красными знаменами. Жаль, что у них не было накладных носов, иначе бы это был полнейший карнавал» [18, 139]. Дальнейшая работа в парламенте и правительстве как будто подтверждала театральность новой власти, которая, по мнению буржуазии, любила говорить, но не действовать. Рейхстаг в это время пренебрежительно прозвали «говорильней» («Schwatzbude»). Неслучайно «противница» новой власти консервативная Баварская народная партия в своем избирательном плакате на вопрос «Баварцы, чего вы хотите?» отвечала: «Ни фраз – ни обещаний – ни заявлений, а дела!» Тема театра, карнавала, скоморошества в действиях новой власти, склонной, по мнению среднего класса, только к эффектным позам и речам, красной линией прошла через ее восприятие буржуазией. Когда в Баварии закончилась самая крайняя форма нового режима – Советская республика, – «люди говорили: “Это красное представление (театр Петрушки) продлилось достаточно”» [18, 210].

Не меньший диссонанс с прежними взглядами вызывали и носители новой власти. Немецкий средний класс был потрясен: у руля государства встали выходцы из низов. Президент, многие канцлеры и министры не имели высше-

го образования и были по профессии бывшими шорниками, писарями, корзинщиками, продавцами и т. д. «Берлинер иллюстрирте цайтунг» опубликовала тогда на целый разворот статью о «Взлете людей из народа» [8, 402–403]. В ней были напечатаны портреты и дана краткая биография новых лидеров – всех до единого вышедших из простонародья. Под каждой фотографией было подписано, с чего начал и к чему пришел ее герой. Истории были таковы: от писаря к канцлеру – Отто Бауэр; от торгового служащего к министру иностранных дел – Герман Мюллер; от помощника продавца книг к министру железных дорог – Рудольф Ойзер; от ученика пекаря к министру почты – Иоганн Гисбертс и т. д. [8, 402–403]. Примерно так же обстояли дела и на местах. Известный нам Хофмиллер в период Баварской Советской республики язвил: «Нашего нового коменданта зовут Р. Эгельхафер. Кто такой господин Эгельхафер, никто никакого понятия не имеет. Вероятно, он был кельнером в трактире или парикмахером, иначе бы комендантом его не сделали» [18, 182].

Помимо происхождения и особенностей биографии не удовлетворял и внешний облик новых лидеров. Это в полной мере отразилось в фигуре первого президента – социалиста Фридриха Эберта, во внешности которого не было ничего героического и воинственного. Как аккуратно заметил художник Макс Либерманн: «Эберт замечательный человек, но рисовать его нельзя» [22, 58]. Лидер первой немецкой республики не впечатлял немецких буржуа: приземистый, полный, «крулолицый, как колобок», со сдвинутым котелком, в потертом плащике и мешковатых брюках. Примерно так же выглядело и все его окружение – веймарские министры и депутаты. Но проблема заключалась не столько в «расплывчатых» формах и небрежном виде нового руководства, сколько в его противоречии прежнему идеалу. Практически на протяжении всей германской истории немцами руководили совсем другие лица: подтянутые военные в сплошь усыпанных наградами мундирах. Человек в цилиндре явно не подходил под эти стандарты.

Значительный «вклад» в негативное восприятие социалистов внесло и распространившееся тогда мнение, что революция предшествовала военному поражению: дескать, немцы проиграли войну, т. к. в стране произошла затеянная «красными» революция, в результате чего тыл был дезорганизован и армия осталась без поставок вооружения и провианта. Актив-

ным проводником этих взглядов были военные, в частности кайзеровский фельдмаршал Пауль фон Гинденбург. Весной 1919 г. он так разъяснял в прессе причины поражения: «Революционеры заняли в тылу армии мосты, важные склады и транспортные пункты, из-за чего подвоз амуниции и всего необходимого был поставлен под угрозу, в то время как собственных запасов хватило бы только на несколько дней» [10, 2]. Бюргеры быстро подхватили эту идею: социалисты и революция, полагали они, привели к поражению, версальскому позору и «развалу» государства. В обобщенном виде эти взгляды отразил один из знакомых Хофмиллера. Когда последний вдруг (!) «начал защищать социал-демократию», тот «почти набросился» на него: «Кто в рейхстаге не одобрил формирование двух армейских корпусов, тех корпусов, которые мы могли бы использовать на Марне? Кто в начале 1918 г. затеял забастовку рабочих на оборонных предприятиях? Кто организовал революцию?» [18, 214].

Но более всего негатив усиливал сам факт революционного действия – насильственной смены власти. Если первоначально становление республики в целом проходило мирно, то зимой 1918/1919 гг. ситуация изменилась: в Берлине, а затем и в некоторых других регионах страны началась настоящая гражданская война. Именно эти события навсегда отвратили значительную часть немецкой буржуазии от революции и социал-демократов. Кризис выразился в разногласиях между всеми направлениями социал-демократии: борьба завязалась между Социал-демократической партией Германии (СДПГ), с одной стороны, и Независимой социал-демократической партией (НСДПГ) и Коммунистической партией (КПГ, прежний союз «Спартак») – с другой. Последние стремились к наиболее радикальным преобразованиям вплоть до установления пролетарской диктатуры. В начале января восставшие под руководством НСДПГ и КПГ захватили в Берлине вокзалы, редакции, монетный двор, департамент полиции и т. д. Позднее «спартаковцы» продолжили борьбу в одиночку. Столицу покрыли баррикады, начались ожесточенные уличные бои. По воспоминаниям социалиста Густава Носке, «положение в Берлине было прямо невозможное. Городом овладели вооруженные банды <...> всюду шла оружейная стрельба. Население охватил ужас <...> и оно страшно возмущалось» [3, 306]. Новое правительство для стабилизации положения приняло решение о при-

менении силы. В столицу были введены войска – «добровольческие корпуса». Несколько дней в Берлине и его предместьях шли ожесточенные бои с применением пулеметов, минометов и артиллерии. Развязанная по вине социалистов – как считали многие немцы – «бойня» вызвала негодование и отторжение. Во многом именно в этих событиях взяла свое начало боязнь «чумы большевизма», «коммунистической заразы» и «красных» вообще. Подавление же «спартаковцев» с помощью «добровольческих корпусов», формировавшихся из числа офицеров и унтер-офицеров бывшей кайзеровской армии, наоборот, было воспринято позитивно, как триумф старых сил. Показательно в этом смысле едкое замечание одного из современников: «...господам Эберту, Шейдеману с его засыхающей рукой (общеизвестна реакция Шейдемана, первого канцлера республики, на условия Версальского мира: «Пусть отсохнет рука, подписавшая такой мир!») и Носке стало от таких событий в высшей степени не по себе. Поэтому можно понять, с какой радостью они приветствовали добровольческие корпуса, обещавшие восстановить спокойствие и порядок» [15, 39].

Все в комплексе это способствовало формированию высокомерного, заносчивого, порой презрительного и насмешливого восприятия нового режима и его носителей как «бродягократии», «берлинской говорильни», «костюмированных босяков». При этом нередко указывалось на ограниченность новых властей. Детально анализировавший действия «красных» в Мюнхене Хофмиллер подмечал все их промахи, свидетельствовавшие, с его точки зрения, об очевидной глупости: «...я встретил своего ученика, бывшего в прошлом году у меня в шестом классе, милый, но, к сожалению, болезненный мальчик. Он рассказал мне, что восемь дней назад к нему нагрянули с обыском. Двое солдат и двое полицейских должны были обшарить его дом, пока еще один стоял у входа. Что же искал этот отряд у моего бедного Ф.? Его переписку с Людендорфом! Письма Людендорфа, который тот должен был почему-то писать школьнику! Господа великодушно заявили, что их интересуют только письма, написанные после 7 ноября. Ф., конечно, рассмеялся, но они сказали, что если найдут малейшее подозрение, то его арестуют» [18, 172]. После чего автор замечал: «...вот на таких воробьев и направляет свои пушки революция» [18, 172]. Автор не упускал возможности показать и сомнительную грамот-

ность новой власти: «Советская республика привнесла новшество <...> “Бавария” (Bayern) больше не пишется через “y”, а через “i”. Теперь это не ошибка» [18, 178].

Помимо противоречий между старой и новой политическими культурами масла в огонь подливала позиция новой власти по отношению к буржуазии. Риторика социал-демократов, оказавшихся у руля государства, недвусмысленно свидетельствовала: они представляют интересы трудящегося населения. Буржуазия, владеющая капиталами и собственностью, сюда, разумеется, не входила. Это красноречиво отражали листовки и плакаты «левых», обращавшихся преимущественно к рабочим и солдатам. Если в призывах присутствовали какие-либо другие категории населения, то бюргеры, т. е. собственно буржуа, как правило, всегда стояли последними.

Наиболее устрашающей идеей «красных» для буржуазии стала идея социализации. В революцию повсюду звучали лозунги передачи в собственность государства земель и предприятий. В совокупности с революционными погромами и уличными столкновениями это довольно сильно перепугало немецких лавочников и ремесленников, которые, чтобы избежать «неприятных сюрпризов» [15, 39], предпочитали не работать в те беспокойные дни. Чтобы успокоить население, властям приходилось издавать соответствующие распоряжения, в которых указывалось, что мелким и средним собственникам нечего бояться. В Советской Баварии, например, крестьянам разъясняли про «социализацию за 1000 дней» следующее: «О социализации и разделении крестьянских наделов, за исключением больших владений, нет и речи, и распространители таких слухов должны подлежать немедленному задержанию» [25, 2]. Тем не менее «призрак» революции и ее неизменной спутницы – национализации – продолжал беспокоить буржуазию и позднее. Так изобразил это состояние в 1928 г. наш соотечественник, путешествующий по Германии: «Хозяйка пансиона мечтает о собственном отеле и боится революции» [2, л. 23об.].

Буржуазные круги среагировали на происшедшее появлением соответствующих партий, ориентированных на решение хозяйственных вопросов и защищающих таким образом их интересы. Так, в 1919 г. в Розенхаймере все буржуазные партии, «оставив имеющиеся политические разногласия», объединились во время городских выборов в одну – Буржуазную экономиче-

скую партию [28, 2]. Как писала местная газета, ее участники – торговцы, булочники, фабриканты, трактирщики – «решили сосредоточиться в первую очередь на экономических вопросах» [28, 2]. Стоит ли говорить, что они выступали, как и другие буржуазные силы, за «здоровую экономическую жизнь и против губительных попыток социализации» [24, 4]. Там, где к власти приходили коммунисты, почувствовать свою непричастность к новой жизни можно было и по-другому, в частности, через ограничение доступа в общественные места. Так, в Мюнхене во времена Баварской Советской республики встречались объявления о том, что в «Большом доме национального театра целую неделю будут идти классические театральные представления только для трудящегося народа» [26, 1].

Не менее болезненно, чем различные ограничения и лозунги о национализации, для мелких и средних владельцев оказались действия властей, направленные на защиту трудящихся: ограничение рабочего дня 8 часами, многочисленные праздники, широкое социальное законодательство. Нововведения пришлось не по вкусу носителям «трудолюбивой» буржуазной морали. «Сегодня снова праздник, – писал современник 1 мая 1919 г. – Все магазины и школы закрыты, все предприятия остановлены, трамваи не ходят. Сколько таких праздников подарила нам революция? Мысль о том, что каждый такой день стоит народу миллионы <...> кажется, не приходит на ум новой власти» [18, 207]. Традиционные слои буржуазии воспринимали новшества однозначно негативно. Сокращение рабочего времени и многочисленные льготы, по их мнению, вели к падению производства и, следовательно, благосостояния Германии. В условиях, когда на стране лежала тяжесть Версальского мира и была послевоенная разруха, считалось, что «единственным средством выйти из невыносимого положения является работа, прилежная работа» [13, 1]. К тому же все эти новшества облегчали жизнь рабочим, но отнюдь не мелким немецким предпринимателям, половина из которых трудилась в своих мастерских и лавочках, обходясь силами только своей собственной семьи [17, 226]. Таким образом, получалось, что мелкая буржуазия продолжала, как и прежде, усиленно работать, не ожидая какой-либо помощи от государства, в то время как рабочие получали от него одну привилегию за другой.

Оказавшись, таким образом, на периферии внимания властей, средние слои почув-

ствовали себя ущемленными и чужими в новом государстве. На своих политических собраниях они нередко упрекали социалистов за их «односторонность». Так, на региональном собрании Немецкой народной партии в январе 1919 г. было заявлено, что СДПГ «не выражает волю всего народа», хотя была обозначена поддержка таким ее инициативам, как обобществление дорог, военных предприятий и шахт [23, 2]. В целом в избирательных программах буржуазных партий борьба с «засильем» одного класса стала ведущей: они призывали голосовать за них тех, кто «против насильственного господства одного класса» [24, 4]. Кстати, в названии самих бюргерских партий частое использование слова «народный» – Баварская народная партия, Немецкая народная партия, Немецкая национальная народная партия – являлось своего рода свидетельством борьбы с одноклассовой системой.

Чужеродность новому миру проявлялась и через такой своеобразный фактор, как разница во вкусах между буржуазией и новыми хозяевами положениями – рабочими и «трудящимися» вообще. Наиболее красноречиво это подчеркивали юмористические заметки, печатавшиеся в газетах. В одной из них рассказывалось, как профессор, имеющий на руках билет на концерт, оказался занят и предложил его своей кухарке. Но та отказалась.

– Почему, – удивился почтенный ученый, – вам не нравится?

– Нет, господин профессор, – отвечала она, – просто мой вкус уже давно избаловало кино [27, 3].

Хофмиллер также не мог преодолеть пропасть между собственными вкусами и вкусами новой власти. На страницах своего дневника он не раз возвращался к такому вопросу, как «безвкусица» революционного знамени: «Почему один красный цвет не может использоваться на полотнище? Дело в том, что каждый цвет без второго не воздействует как флаг, он является только тряпкой. Вообще нет цвета, который мог бы использоваться один: каждый безутешен. Я убежден, что каждый социалист втайне думает так же. Красно-белый, красно-черный, красно-желтый, красно-зеленый – все хорошо. Один красный – ужасно!» [18, 112].

Негативному восприятию новой власти способствовали также изменения, произошедшие в повседневной жизни. После войны страна оказалась на грани нищеты: что такое голод

и холод, узнал каждый немец. Средние слои винили во всем социалистов, т. к. до них, в предвоенное время, при кайзере, все было хорошо – жили в тепле, сытые и довольные. Положение разрушенного войной народного хозяйства действительно было удручающим. Сельскохозяйственное производство по некоторым статьям упало в два раза, сократилась продуктивность животноводства [4, л. боб.]. Несмотря на то что Версальский договор был подписан в июне 1919 г., он вступал в силу только в начале 1920 г. В итоге почти целый год Германия жила в условиях голодной блокады. Продуктов по введенным еще в войну карточкам не хватало, немцы голодали. В изобилии была только надоевшая всем брюква – «ее запах теперь разносился из каждой квартиры» [5, 18]. Современник фиксировал это положение так: «...ни фунта картофеля, ни капли бензина» [18, 96]. На этом фоне бюргеры постоянно вспоминали «старые добрые времена», когда всего было в достатке. О произошедших изменениях свидетельствовало посещение Хофмиллером в 1919 г. известного в Мюнхене магазина Дальмайера: «Чтобы понять, что это была за лавка, ее нужно было видеть в мирное (!) время. Морская рыба была здесь круглый год. Лангусты, угри, сардины, анчоусы, сельдь всех форм и размеров, икра вплоть до малосольной. К этому прилагались итальянские салаты с прекрасным маслом, соусы всех видов с травами и горчицей... Вчера же не было ничего. Вообще ничего, даже рыбьего хвоста, ни одной селедки, ни одного анчоуса, только вяленая треска в углу, до чего бы Дальмайер раньше не опустился. Что изменилось еще? О, появились очень милые вещи: заливные овощи, заливной горошек, заливные бобы, заливной сельдерей... При этом все очень мелкое и далеко не дешевое» [18, 170–171]. В такой обстановке естественное возмущение вызывали привилегии и льготы новой власти, когда члены советов, социалисты и «спартаковцы», имели официальное разрешение на получение двойной продуктовой порции.

Наряду с пустующими полками негатив вызывали и постоянно растущие цены, которые набирали обороты год от года. Уже после революции, но перед гиперинфляцией газеты едко шутили на этот счет. Например, близкая к настроениям средних слоев «Кобургер Цайтунг» опубликовала в 1921 г. статью, символично начинавшуюся со слов из известной сказки Г. Х. Андерсена: «Ах, мой милый Августин, все прошло, все прошло». В ней читателю не без

умысла напоминали, что можно было купить за одну и ту же сумму в кайзеровской и республиканской Германии. Так, в 1914 г. за 6 марок можно было приобрести 2 бутылки хорошего бургундского, в 1921 г. – только бутылку свекольного сока, за 8 марок раньше покупали большого карпа, сейчас – одну селедку, 10 марок стоил «жирный гусь», теперь – полфунта маргарина, на тысячу можно было обзавестись целым гарнитуром, теперь приходилось довольствоваться одним столом [14, 2]. Любопытно, что в повседневном обиходе Веймара, пережившего многочисленные потрясения, прижилось словосочетание «мирное время» и «товар мирного времени». Причем они относились вовсе не к республике, а к предвоенным, кайзеровским, по-настоящему мирным годам, когда жили спокойно и производили «отличные» вещи. Буржуа часто использовали эти обороты, в т. ч. и в рекламе. Например, производитель одного шампанского в 1919 г. гарантировал, что его напиток «не изменился» и по-прежнему представляет собой «хороший, старый продукт мирного времени» [9, 4].

Сверх того революционные и первые послевоенные годы принесли еще и перебои транспортного сообщения, отсутствие газет, оборванные линии электропередачи и т. п. Предприятия и общественные учреждения работали тогда с вынужденными остановками: «...могло вдруг выключиться электричество или подача воды, могли перестать ходить трамваи...» [6, 213]. Немцы приспособивались и чаще передвигались пешком или на пони, жгли керосин и носили воду из колодцев. Из-за уличных боев закрывались школы, которые использовались в качестве «опорных пунктов». Мирный быт тесно переплетался с революционным. Хоффмиллеру удавалось даже шутить: «Много разбитых стекол. Какая радость для стекольщиков, у которых теперь столько работы» [18, 181].

Библиография:

1. Луначарский А. В. На Западе. М.;Л.: Гиз, 1927. 134 с.
2. Никитин Н. Н. Записки о Западе. Глазами варвара: Очерки // РГАЛИ. Ф. 2575. Оп. 1.
3. Носке Г. Записки о германской революции // Вильгельм II. Событий и люди 1878–1918. Минск: Харвест, 2003. 461 с.
4. Павловский Е. Банкротство Германии // РГАЛИ. Ф. 611. Оп. 1.
5. Ренн Л. На развалинах империи. М.: Детская литература, 1964. 304 с.
6. Хаффнер С. Биография одного немца. Воспоминания 1914–1933 гг. // Иностранная литература. 2002. № 2. С. 199–233.
7. Хаффнер С. Революция в Германии 1928–1919 гг. Как это было в действительности? / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. 224 с.
8. Berliner Illustrierte Zeitung. 1919. № 40.
9. Berliner Illustrierte Zeitung. 1919. № 50.
10. Berliner Morgenpost. 1919. № 78.
11. Bramke W. Eine ungeliebte Revolution. Die deutsche Novemberrevolution 1918/1919 im Widerstreit von Zeitgenossen und Historikern // Plener U. (Hrsg.). Die Novemberrevolution 1918/19 in Deutschland. Allgemeine, regionale und biographische Aspekte. Beiträge zum 90. Jahrestag der Revolution. Berlin: Karl Dietz Verlag, 2009. S. 11–40.

Под влиянием этих и других фактов Ноябрьская революция и первые послевоенные годы обрели негативное восприятие. В памяти многих представителей среднего класса они остались как анархия и катастрофа, которые означали для них не только общественный беспорядок, но безвозвратный разрыв с прошлым, шаткие позиции в настоящем и туманное будущее. Авторами этих «завоеваний» в глазах значительной части немецкой буржуазии были «ноябрьские преступники» – социал-демократы.

Оценивая все происходящее после тяжелого подавления Баварской Советской республики, Хоффмиллер пришел к выводу, что «это было ошибкой – не остановить революцию в ночь с 8 на 9 ноября» [18, 212]. Не в последнюю очередь он винил своих нерешительных собратьев по классу: «Возможно <...> мы не оказались бы в этом хлеву, если бы бюргерство всех слоев показало бы больше характера и силы к сопротивлению, выступило решительно против переворота, вместо того чтобы броситься к ногам новой власти» [18, 144].

В итоге значительной долей среднего класса революция и смена правящего курса были восприняты как настоящее бедствие, вытолкнувшее их в новый, неизведанный мир. Ни политическая культура республики, ни действия новой власти, усугубленные тяжелой послевоенной повседневностью, не вписывались в представления буржуазии о политике и «нормальном» государстве. Со временем «старые» средние слои стали выражать свое недовольство все громче. Последней каплей для них стал мировой экономический кризис, дискредитировавший в их глазах республику окончательно. В это время «старые» средние слои ринулись на поддержку НСДАП, обещавшей навести долгожданный порядок. Многие из них, голосовавшие тогда за нацистов, оказались не столько их сторонниками, сколько противниками существующей власти.

12. Büttner U. Weimar. Die überforderte Republik 1918–1933. Bonn: BPB, 2010. 864 S.
13. Coburger Zeitung. 1919. № 197.
14. Coburger Zeitung. 1921. № 301.
15. Doerry A. Im Wechsel der Zeiten // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rainer-doerry.de/Ahnenforschung/Chroniken/Albrecht-Doerry-German.pdf> (дата обращения: 12.02.2015).
16. Falter J. Hitlers Wähler. München: C. H. Beck Verlag, 1991. 444 S.
17. Haupt H.-G. Mittelstand und Kleinbürgertum in der Weimarer Republik. Zu Problemen und Perspektiven ihrer Erforschung // [Электронный ресурс] – URL: http://library.fes.de/afs/derivat_pdf/jportal_derivate_00023387/afs-1986-217.pdf (дата обращения: 17.02.2015).
18. Hofmiller J. Revolutionstagebuch 1918/19. Aus den Tagen der Münchener Revolution. Leipzig: Karl Rauch Verlag, 1938. 307 S.
19. Informationen zur politischen Bildung. Weimarer Republik. Bonn: BPB, 2003. 66 S.
20. Kolb E. Weimarer Republik. München: Oldenbourg, 1993. 309 S.
21. Mergel T. Das parlamentarische System und die Folgenlasten des Ersten Weltkrieges // Wirsching A. (Hrsg.): Herausforderungen der parlamentarischen Demokratie. Die Weimarer Republik im europäischen Vergleich. München, 2007. S. 37–59.
22. Möller H. Weimar. Unvollendete Demokratie. München: Deutsche Taschenbuch Verlag, 1997. 293 S.
23. Rosenheimer Anzeiger. 1919. № 8.
24. Rosenheimer Anzeiger. 1919. № 12.
25. Rosenheimer Anzeiger. 1919. № 88.
26. Rosenheimer Anzeiger. 1919. № 92.
27. Rosenheimer Anzeiger. 1919. № 119.
28. Rosenheimer Anzeiger. 1919. № 121.
29. Unterstell R. Mittelstand in der Weimarer Republik. Die soziale Entwicklung und politische Orientierung von Handwerk, Kleinhandel und Hausbesitz 1919–1933. F. am Main – Berlin – NY – Paris: Taschenbuch, 1989. 183 S.

References (transliterated):

1. Lunacharskii A. V. Na Zapade. M.;L.: Giz, 1927. 134 s.
2. Nikitin N. N. Zapiski o Zapade. Glazami varvara: Ocherki // RGALI. F. 2575. Op. 1.
3. Noske G. Zapiski o germanskoi revolyutsii // Vil'gel'm II. Sobyti i lyudi 1878–1918. Minsk: Kharvest, 2003. 461 s.
4. Pavlovskii E. Bankrotstvo Germanii // RGALI. F. 611. Op. 1.
5. Renn L. Na razvalinakh imperii. M.: Detskaya literatura, 1964. 304 s.
6. Khaffner S. Biografiya odnogo nemtsa. Vospominaniya 1914–1933 gg. // Inostrannaya literatura. 2002. № 2. S. 199–233.
7. Khaffner S. Revolyutsiya v Germanii 1928–1919 gg. Kak eto bylo v deistvitel'nosti? / Per. s nem. M.: Progress, 1988. 224 s.
8. Berliner Illustrierte Zeitung. 1919. № 40.
9. Berliner Illustrierte Zeitung. 1919. № 50.
10. Berliner Morgenpost. 1919. № 78.
11. Bramke W. Eine ungeliebte Revolution. Die deutsche Novemberrevolution 1918/1919 im Widerstreit von Zeitgenossen und Historikern // Plener U. (Hrsg.). Die Novemberrevolution 1918/19 in Deutschland. Allgemeine, regionale und biographische Aspekte. Beiträge zum 90. Jahrestag der Revolution. Berlin: Karl Dietz Verlag, 2009. S. 11–40.
12. Büttner U. Weimar. Die überforderte Republik 1918–1933. Bonn: BPB, 2010. 864 S.
13. Coburger Zeitung. 1919. № 197.
14. Coburger Zeitung. 1921. № 301.
15. Doerry A. Im Wechsel der Zeiten // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.rainer-doerry.de/Ahnenforschung/Chroniken/Albrecht-Doerry-German.pdf> (data obrashcheniya: 12.02.2015).
16. Falter J. Hitlers Wähler. München: C. H. Beck Verlag, 1991. 444 S.
17. Haupt H.-G. Mittelstand und Kleinbürgertum in der Weimarer Republik. Zu Problemen und Perspektiven ihrer Erforschung // [Elektronnyi resurs] – URL: http://library.fes.de/afs/derivat_pdf/jportal_derivate_00023387/afs-1986-217.pdf (data obrashcheniya: 17.02.2015).
18. Hofmiller J. Revolutionstagebuch 1918/19. Aus den Tagen der Münchener Revolution. Leipzig: Karl Rauch Verlag, 1938. 307 S.
19. Informationen zur politischen Bildung. Weimarer Republik. Bonn: BPB, 2003. 66 S.
20. Kolb E. Weimarer Republik. München: Oldenbourg, 1993. 309 S.
21. Mergel T. Das parlamentarische System und die Folgenlasten des Ersten Weltkrieges // Wirsching A. (Hrsg.): Herausforderungen der parlamentarischen Demokratie. Die Weimarer Republik im europäischen Vergleich. München, 2007. S. 37–59.
22. Möller H. Weimar. Unvollendete Demokratie. München: Deutsche Taschenbuch Verlag, 1997. 293 S.
23. Rosenheimer Anzeiger. 1919. № 8.
24. Rosenheimer Anzeiger. 1919. № 12.
25. Rosenheimer Anzeiger. 1919. № 88.
26. Rosenheimer Anzeiger. 1919. № 92.
27. Rosenheimer Anzeiger. 1919. № 119.
28. Rosenheimer Anzeiger. 1919. № 121.
29. Unterstell R. Mittelstand in der Weimarer Republik. Die soziale Entwicklung und politische Orientierung von Handwerk, Kleinhandel und Hausbesitz 1919–1933. F. am Main – Berlin – NY – Paris: Taschenbuch, 1989. 183 S.